

Сергий Чернец
Комбинат познания

Сергий Чернец

Комбинат познания

«Издательские решения»

Чернец С.

Комбинат познания / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519331-5

В этой книге рассказывается о том, чем полезна художественная литература в обычной нашей жизни, для обычного человека; чему литература помогает: познать себя, умению говорить, общаться друг с другом и многому другому. Показано на рассказах автора, которые помогут понять.

ISBN 978-5-00-519331-5

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Чем полезна худ. лит-ра	6
Незабываемое Иришкино детство	6
Фабрика познания	18
Зыбкий туман времени	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Комбинат познания

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2020

ISBN 978-5-0051-9331-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чем полезна худ. лит-ра

Незабываемое Иришкино детство Из забытых рассказов. – «Мы с Юриком».

2. Глава вторая.

Сегодня выпал новый снег – за окошком, в которое Иринка могла заглянуть прямо с кровати, едва поднявшись, так как кровать стояла изголовьем к окну с правой стороны детской комнатки, – светило белое солнце. Не как летом, когда желтые лучики солнышка проникали во все углы, сейчас от солнца исходил молочный белый свет. И снег покрыл всё вокруг: и детскую площадку с песочницей и качели на детской площадке и даже проезжающая по краю двора машина соседей была вся белая.

Юрик сказал: «Приготовься, одевайся и жди меня».

Он посмотрелся в большое зеркало в прихожей, поправил волосы, сделал серьёзное лицо и скрылся в маминной комнате. А Иринка достала из ванной санки, снятые со стены, где висели всё лето и теперь стоящие в углу. Осторожно открыла дверь на лестницу и, на всякий случай, выставила туда санки. Потом надела большие «лыжные» штаны, пальто, шарф и села на сундук ждать.

Сначала всё было тихо, потом послышались голоса.

– А в канализацию вы ещё не лазили? – сказал довольно громко мамин голос.

Ага, это она говорила про нашу речку, Кокшагу. Иринка с Юриком лазили на горку около очистных сооружений, сливающих мутную воду прямо в речку. Наша мама не любит, когда мы ходим по льду. Она прямо не переносит этого. Она убеждена, что мы провалимся под лёд, в промоину. И нечего ей говорить, что сейчас все там ходят через речку, что там даже тропинка вытоптана. Она всё равно не понимает, зачем ходить по льду. И ей этого не объяснишь. Вот Юрик – это папа Иринки – ему и объяснять не надо, он сам с удовольствием ходит. Там пологий спуск к реке, где многие дети с родителями катаются на санках.

– Даша, ну причём здесь канализация, и совсем там не канализация, это ливнёвка и зимой она не работает почти... – слышала Иринка голос Юрика.

«Да, – причём тут канализация?» – думала Иринка. А вообще-то в канализацию лазят. Она сама видела. Недавно к ним во двор приезжала машина с большой бочкой. Так дядька с этой машины лазил. Он открывал люк и лез прямо в канализацию. «Интересно, что там? – Надо Спросить у Юрика»...

Из маминной комнаты вышел Юрик. Не просто вышел, – а вылетел, выскочил.

– Бери санки! – прокричал он на лету и «скатился» по лестнице коридора, так быстро прозвучали его шаги, что казалось будто мячик скатывается по ступенькам.

Иринка схватила санки и скатилась за ним. Они вышли гулять.

Во дворе она села на санки. К санкам была привязана такая длинная верёвка, что между ними однажды проехала машина, легковая правда, которая заезжала в соседний двор, когда они шли к речке по тротуару.

Вот Юрик надевает верёвку через плечо, и они трогаются в путь, это всё вниз и вниз по улице. Сначала двигались очень быстро: пронеслись мимо дворника, мимо соседской девочки Маши. Промелькнули мимо киоска с газетами... И затормозили только на повороте – тут надо было переходить через «трассу», это большая улица, идущая параллельно реке к мосту, до которого было дальше, чем до дома Иринки, за два квартала от «трассы».

1 Переходим к главе первой.

– Время жизни ребёнка от одного года до 3-х лет называют ранним детством. И этот возраст считается тем самым счастливым и беззаботным, и безоблачно солнечным. Но!

Это мнение взрослых людей, видящих ребёнка со стороны. А детям в этом возрасте предстоит многому научиться и это очень трудные годы жизни для человека. – Ребёнок учится бегать, прыгать, лазать, что развивает моторику, чего требует и туловище, природное развитие мышц рук и ног. Занимаясь делами с немалыми усилиями, ребёнок сопит-пыхтит – учится, осваивает окружающие предметы и действия. Когда что-то не получается, он даже плачет от отчаяния: как трудно жить на свете (!) – одевая колготки, которые цепляются и путаются или рубашку надеть, надо попасть рукой в рукав, а это трудно. Занимаясь дома и на улице, малыш строит куличики, пытается рисовать, удерживая карандаш, одевает кукол, возится с машинками – манипулирует с предметами, подражая взрослым, восхищаясь: как у них (у папы с мамой) всё легко получается (!), даже ложку держат они легко...

В этот период ребёнок начинает осознавать своё «Я», самоутверждаться – «я тоже человек». Это очень существенный момент в воспитании детей: важно не подавить в ребёнке самостоятельность. Но в то же время нельзя во всём потакать малышу, чтобы не воспитать эгоистичного и капризного человечка. В раннем возрасте закладываются основные черты будущего характера, которые определяют судьбу растущего человека.

— — — — —

В нынешнее время почему-то (из-за трудностей современной жизни) взрослые решили продлить детство. И всё позже и позже человека считают взрослым. 18 лет – и 21 год – считается взрослость наступает.

А всё было не так. И во всей природе всё не так, – обезьяна и то через два года уже взрослая, у многих животных детство длится меньше одного года. Человек выросл раньше – раньше – такая тавтология получается.

Например, в Древней Греции детям, достигшим трех-четырёхлетнего возраста, надевали на голову венки из фиалок, как символ того, что беспечная пора для них прошла и они вступают в пору взросления. К этому возрасту у ребёнка уже появляются первые обязанности, он учится оценивать свои поступки, контролировать поведение. В этом возрасте, посещая дошкольные учреждения, дети учатся общению со сверстниками, что готовит их к жизни в обществе.

Период с 3-х до 7-ми лет важный период жизни. В это время ребёнок активно развивает умственные и физические способности. А главное он начинает «думать-рассуждать», «разговаривать» с самим собой. Именно из мыслей формируется личность.

— — — — —

Глава третья. От Иринки

Недалеко от берега построен был недавно большой магазин. А в этом большом здании был пивной ларёк-кафе. И прежде, чем пройти дальше к берегу и к горке, где слышались голоса детей катающихся, мы затормозились у кафе. Юрик задумался.

«Ну, начинается... подумала я. – Сейчас играть будем».

– Знаешь, я придумал игру, – сказал Юрик очень веселым голосом, в каком-то предчувствии.

«Знаем мы эти игры». Подумала я, а вслух сказала – Ну, давай играть так играть. —

– Ты сейчас спрячешься, – сказал Юрик, – а я буду тебя искать.

Я даже возмутилась: за полгода, с прошлой зимы ничего новенького не мог придумать!

– Хорошо, сказала я, – считай до ста.

Юрик начал считать, а я пошла в другой дом рядом с кафе и поднялась в подъезде на окно и стала наблюдать. Юрик, конечно же, и не подумал меня искать, а прямо – к пивной направился. Я слезла с подоконника и тоже пошла в кафе. Увидев меня, Юрик очень удивился.

– Ты почему не прячешься? – сказал он.

– А ты почему не ищешь? —

– Странная ты девочка, – сказал Юрик и дал мне конфету, которую брал на закуску к своим «ста граммам» —

Мама говорила, чтобы мы смотрели друг за другом – и чтобы в наливайку, где 100 грамм наливают, Юрик не заходил. Но я не могу командовать Юрику – он взрослый и мой папа.

От пивной мы отъехали уже спокойнее медленнее. Я развалилась на санках, лежала, запрокинув голову, до берега ещё было время идти нужно было через парк между бывших дорожек, хотя если срезать дорогу через пустырь и пляж, было бы быстрее.

Перед глазами было небо, виднелись дома позади и с боков, люди проходили рядом вверх ногами. Правда очень-то зевать-лежать не приходится. Юрик шёл теперь, как во сне, он так норовил повернуть санки в бордюры резался.

Уже у самой реки санки на длинной верёвке врезались в какого-то дяденьку и опрокинули его в сугроб.

– Это ты, Зайцев? – спросил он из сугроба.

Юрик ужасно покраснел. Он хотел освободиться от верёвки, перекинутой через плечи – оторвал себе пуговицу, но не освободился. Пришлось мне вылезать из санок и поднимать дяденьку. Юрик сначала очень стеснялся-извинялся. Но потом они разговорились и обо всём забыли. Потом встретился ещё другой дяденька, который тоже разговорился. Обо мне совсем забыли. Я вылезла из санок и пошла пешком. А они занялись разговорами – встретив ещё других дяденек, – оказывается через речку тут было большое движение ходили из заречного района в центр, в город много людей.

Когда вступили на лёд, они почему-то пошли не по тропинке, а вдоль берега речки – «может все они были в «наливайке» – они размахивали руками и шумно разговаривали. Я осталась на горке и прокатилась вместе с другими детишками на картонке кем-то брошенной тут. Вокруг было полно народа.

Так продолжалось пока Юрик не увидел пустые санки.

– Девочка потерялась, – сказал он грустно.

– Какая девочка? – спросил один.

– Дочка моя, – сказал Юрик.

– У тебя есть дочка? – удивился тот дяденька.

– Тут много девочек – указывая на горку с кучей детей и взрослых.

А Юрик сел на пустые санки и начал думать: – У кафе она была. Когда встретил Захарова – сидела в санках. – на речке – не помню... —

Мне стало его жалко, и я отделилась от толпы и вышла к нему:

– Тут я, неужели не видишь? —

Юрик увидел, и обрадовался.

– Домой, скорее домой! – заторопился он и пошёл по краю льда вдоль берега. Лёд под ним треснул и начал медленно опускаться в воду. Все закричали, а Юрик выбрался на берег с мокрыми ногами в ботинках полных воды – вот она «промоина», о которой предупреждала мама.

Домой пришли с мокрыми Юркиными ногами.

Конец третьей части.

Часть четвёртая

Все мы оглядываемся на прошлое. Как после того, например, когда упал человек, он, встав на ноги, – смотрит на то место позади себя, с мыслью: «из-за чего же я упал-споткнулся», что там есть такого: верёвка ли натянута или бордюр высокий зацепил»; и смотрит с такой целью, чтобы понять почему он упал и впредь не падать, а поднимать ноги перед препятствием. По времени, после падения проходит всего минутка, – но эта «минутка» уже в прошлом. А оглядываемся мы и на сто (100) лет назад в наше прошлое. Какая разница? – всё в прошлом: и 1 минута и 100 лет – надо посмотреть, когда мы «упали» и пошли не в ту сторону...

Помощники

У нашей мамы начались экзамены в институте. Чтобы помочь ей по хозяйству, Юрик-папа взял отпуск за свой счёт, чтобы я не оставалась дома в одиночестве – правильно, – как я буду доставать еду из холодильника?

Встали мы очень рано. Для начала сходили на рынок, и кое-что купили. Мы с Юриком очень любим ходить на рынок, только посылают нас туда редко. Мама говорит, что мы всегда покупаем не то. В этот раз мы купили самое «всё то» Сушёный урюк, – ну, что может быть вкуснее урюка!

А дома Юрик вспомнил про антресоли и решил сделать там библиотеку, книжки у нас копились – их становилось всё больше, и они лежали на столах и на полу в углу и на подоконниках.

Мы взяли у соседей стремянку и полезли. Сколько там было незнакомых вещей! Мы даже растерялись, так их было много. Туфли в коробках и без коробки ботинки зимние, ёлочные игрушки в пакете и дед мороз пластмассовый и снегурочка пластмассовая. Небольшой самовар, ширма лежала позади, а перед ней велосипедная рама от велосипеда «школьник», который Юрик хотел собрать для меня, когда я подрасту, только колёса нужно было купить отдельно. Был даже небольшой столик-стол, состоящий из досок, которые Юрик собрал тут же на скорую руку, и на который поставили мы самовар.

– Надо рассортировать, – сказал Юрик, – а ненужное можно выбросить. —

Все вещи у нас лежали по всей комнате кучками. Скоро даже коридор был у нас был завален, а Юрик всё доставал и доставал вещи с антресолей: там были рулоны бумаги – обои, клеёнка и ещё другие много вещей. Когда он слез со стремянки и оглядел всё: – Вот это да, – сказал он, – куда же мы это всё денем? —

– Надо подумать, – предложила я.

И мы сели на сундук в коридоре-прихожей.

– Кое-что придётся выбросить, – наконец решила я согласиться с мыслью Юрика.

– Что, например? – спросил он.

– Самовар, например, – сказала я.

– Самовар нельзя, сказал он, – во-первых, это металлолом, во-вторых, его можно ещё «ставить», он рабочий.

– А давай «поставим самовар», – обрадовалась я, – Мама придёт, а у нас чай из самовара! —

– Можно попробовать, согласился Юрик, – только сначала надо прибраться. Давай-ка запихнём всё это обратно пока! —

И он опять полез на стремянку и втащил туда велосипедную раму. Эта рама заняла почти всё место на антресолях, и как мы не старались, нам не удалось втащить туда и половины всех вещей.

– Как же они раньше там помещались? – удивилась я.

– Не знаю, – сказал Юрик, – наверное, утряслись! —

– Тогда посидим и подождём, пока они снова утрясутся. —

И мы сели на кухне чай пить, ждать. И дождались! Пришла наша Мама. Она не сказала ни слова про беспорядок, она даже не удивилась. Она прошла к себе в комнату, после того как легко перекусила с нами, и села за книги – экзамены же в институте.

Вечером, перед сном был «совет». Постановили: нам с Юриком, пока Мама сдаёт экзамены, – надо было «убраться» из города куда-нибудь подальше.

– В деревню, в это «Цыплатково-Курочкино»? – робко спросил Юрик.

– Нет, там слишком много природы, поедете к Деду в соседний городок N (Волжск), город всё-таки.

Так и «постановили», пока мы ещё чего-нибудь не натворили, решили увезти к Деду самовар.

Конец четвёртой части.

Часть пятая

«Совет» семейный на этом не закончился. Юрик сказал, что нужно собраться, чтобы ехать так далеко за 100 километров:

– На это уйдёт – день-два три!» —

А Иринка сказала-поправила папу-Юрика:

– Два-три дня! —

Мама обратилась к обоим и сказала:

– И так – и так всё понятно! – Понятно? —

Последнее слово-вопрос было как точка в разговоре-беседе.

Но! Решила она по-другому. У неё была подруга, которая жила на даче, в пригородном посёлке, совсем не далеко от города, куда можно было быстро доехать. Мама позвонила подруге, и та согласилась принять на время Юрика и Иринку пожить, пока у Мама не кончится сессия-экзамены в институте.

Поехали в этот же день.

Ничего интересного по дороге не произошло. В электричке было почти пусто. Напротив Иринки сидела у окна очень рыжая девчонка. Точно такая же рыжая девчонка сидела с другой стороны вагона и тоже у окна. Всю дорогу они смотрели в окно и громко переговаривались-кричали друг другу, будто играли в игру:

– У меня – речка, – кричала одна.

– У меня – тоже речка, – вторила другая громким голосом весело, когда мы проезжали мост через реку.

– А у меня – лес, – говорила первая.

– А у меня – тоже лес, говорила вторая, что напротив Иринки, всегда чему-то радуясь.

– А у меня – деревня. —

– А у меня – тоже деревня.

– А у меня – коза, – сказала первая с той стороны.

У второй близняшки козы не было. Она побежала к первой. Посмотрела на козу, задумалась.

– А у тебя не было козы, – опять сказала первая.

– Ну и что? – спросила вторая.

Теперь задумалась первая.

– Если бы у тебя была коза, а у меня нет, то мне тоже было бы «ну и что». – наконец сказала первая рыжая близняшка.

Иринка с Юриком даже рты разинули от удивления. Какие «хитрые» эти близняшки.

В посёлке были большие трёхэтажные дома возле станции и тут были магазины и даже «кафэ». Юрик увидел «наливайку» и непременно бы зашёл, будь они одни с Иринкой, но их

сопровождала Мама сама, чтобы познакомиться с подругой и вообще найти дачу. Потому что они долго шли куда-то между улиц уже дачного посёлка с небольшими деревянными домами за заборами. И, наконец, добрались до маленького домика с огромными, почти без перегородок окнами веранды.

– Здесь будете жить, – сказала Мама, подходя к калитке.

Они вошли в дом. Ничего такого Иринка в жизни больше не видела нигде. На полу были разосланы разноцветные, связанные половики, на стенах висели картины со зверями и природными видами. Подруга была художницей. На полках стояло много книг и разные игрушки из глины. Подруга была ещё и скульптор. Полкомнаты занимал круг и разные глиняные горшочки, и игрушки. Другой угол занимала белоснежная печка, на стене у окна сверкало отражённым светом большое зеркало.

– Саша, ты где? – громко позвала Мама.

— — — — —

Часть шестая. От Иринки

Откуда-то сверху прямо на нас спрыгнула со ступенек лестницы тётенька в синих брюках и очень красном свитере. Оказывается, от входа направо перед печкой-за печкой была лестница на второй этаж, которую мы даже не заметили, а в потолке виднелся вход и часть верхней комнаты.

– Вот, Сашка, привезла тебе моих оболтусов, – сказала Мама.

Тётенька, стриженная под мальчика, хотя была уже не молодая с морщинами на лице, почему-то расхохоталась, подпрыгнула, захлопав в ладошки и сказала:

– Вот и прекрасно! Меня зовут Сашка, а вас как? —

Юрик молчал.

– Его – Юрик, меня – Стрючок, – сказала я.

Тётенька расхохоталась вновь.

– Рано радуешься, – сказала ей Мама. – Посмотрим, что ты скажешь через 10 дней.

Именно 10 дней мы собирались прожить на даче у незнакомой нам весёлой маминой подруги, как я поняла. Я спросила об этом. – нет! – они договорились на месяц, как объяснила Мама. Через 10 дней она к нам обещала приехать, отдохнуть после сессии.

Первый день или «самостоятельность» Юрика.

Мама уехала. Я побежала осматривать дом. Внизу было две комнаты и кухня. Я полезла наверх. Там была большая холодная комната. На тонких ножках стояли большие картины без рамок. На полу валялись кисточки. Одна картина мне очень понравилась: на ней была нарисована большая нарядно раскрашенная рыба с развевающимся хвостом, как у золотой рыбки из книжки сказок. Я хотела рассмотреть её поближе, а она упала и повалила ещё несколько картин. На шум прибежала тётенька, подхватила меня, как маленькую под мышки и принесла на кухню. Я обиделась и позвала Юрика, и мы с ним заперлись в «нашей» комнате... Был вечер и быстро стемнело, во всех комнатах ничего не было видно.

На следующее утро мы надели лыжные костюмы и вышли на улицу. Тётеньки нигде не было. Мы стали прикручивать лыжи, когда на нас налетел снег и появилась тётенька. Её свитер и щеки были одного красного цвета, в волосах был снег, на ногах лыжи. Она сделала круг, быстро влезла на гору, с которой только что съехала, замахала нам руками:

– Смотрите, как полечу с трамплина! – и опять спустилась к нам, снова обдав нас снегом при повороте лыж, а мы испугались и упали в снег.

– Юрик снял лыжи, – мы совсем немного покатались с горы мимо трамплина, с которого прыгала весёлая тётенька.

– Сначала надо осмотреться, – сказал Юрик строго и, не глядя на меня, пошагал по дороге. Я сняла лыжи и поплелась за ним. Мне было скучно. Снег сверкал, переливался – он был похож на вату под ёлкой дома, пропитанную-посыпанную нафталином. Я делала снежки и кидала их в Юрика, но тот, видимо, здорово задумался и всё шёл да шёл. Так мы забрались на большой пригорок, откуда сзади открывался весь посёлок. А с другой стороны, до горизонта был лес.

– Со стороны мы похожи на белых медведей, – сказал Юрик, потому что мы, вывалявшись, не отряхнувшись пошли «осматриваться».

– И правда, мы похожи на медведей, – обрадовалась я.

– Чего радуешься? – обозлился Юрик. – Нечему тут радоваться.

Таким мрачным я его давно не видела.

Мы вернулись к посёлку. На горке собралась толпа лыжников. Красные, жёлтые, зелёные, они наперебой говорили что-то нашей тётеньке. А она смеялась и всё повторяла: «Нет, нет. Боюсь, боюсь». Наконец все съехали, забрались обратно и опять принялись объяснять что-то нашей тётеньке. А она всё смеялась. Заметив нас, приближающихся, она даже присела от смеха.

– Медведи! – крикнула она нам. – Куда собрались?

И вдруг оттолкнулась палками и понеслась с горы, и не прямо, как остальные, а зигзагами. Все так и ахнули.

– Вот это да, – сказал лыжник в зелёной куртке, – А мы её учили! —

– Пошли, – сказал мне Юрик, – нечего нам тут делать.

И мы пошли. Юрик всё о чем-то думал.

Солнце садилось быстро, когда мы вспомнили, что весь день ничего не ели. А пока дошли до дома, солнце совсем садилось за горизонт, и магазины в посёлке, наверное, были закрыты. Так и легли спать голодные. – Юрик же решил, что мы сами себя обслужим: утром позавтракали бутербродами взятыми из дома, брали только горячую воду из чайника, нагретого Сашкой.

– Далась мне эта «самостоятельность»!.. – сказал Юрик, засыпая.

Я стала думать про зайцев, следы которых мы видели рядом с дорогой к лесу. Проснулась я от какого-то шума. Была ночь, Юрика в комнате не было. «Куда он пропал среди ночи?» – подумала я, засыпая снова накрепко до утра.

Конец шестой части.

Часть шестая от Иринки

Сливы в январе.

Всю ночь мне снились зайцы. Белые, пушистые, они играли в чехарду. Я проснулась и, как всегда, посмотрела в окно. Ну и погодка! Яркое солнце, голубое небо, пушистые белые ёлки, и снег такой белый, что глазам больно на него смотреть. а там, далеко на горе, мелькают лыжники, красные, жёлтые, зелёные. Наш дом был крайний, последний к лесу по улице.

Вон красный налетел на ёлку, и с неё посыпался снег. А красный застрял и встать не может, палки у него унесло, опереться не на что. Так и сидит и обнимает ёлку.

Мне вдруг показалось, что все праздники: и Новый год, и день рождения мой в январе, и даже Первое мая – надо праздновать здесь и сегодня!

– Ура-ура! – закричала я и вскочила на кровати, – хотелось крикнуть: «Вставай Юрик!» и вдруг я остолбенела. На столе в сверкающей белой тарелке лежали сливы, тёмно-синие живые-настоящие сливы.

В доме было пусто. А на завтрак приготовлено было налитое в стакан молоко и на нём кусок батона с намазанным маслом.

Сашка ждала нас на улице. Она была нарядная и очень сияла.

– Сливы? Какие сливы? Не знаю никаких слив.

Она подхватила меня на руки, закружила, и певучим голосом декламировала:

– Я пойду с вами, я хочу всегда ходить с вами, я хочу везде быть с вами. —

Закончилась «самостоятельность» Юрика, догадалась я.

– Вот и хорошо, – обрадованно сказала я бывшей тётеньке, теперь Сашке.

– Мы пойдём на озеро, а там есть тайна, – сказал Юрик и побежал по дороге. Я побежала за ним, Сашка бежала за нами.

Шли мы долго. На лыжах ходить по ровному месту скучновато. Пошёл лёгкий снег, солнце едва пробивалось через мутное молочное небо.

На озере видны были тёмные бугорки. Из-за снега они едва были заметны.

– Ты ошибаешься, сказал Юрик, когда мы приближались к одному из бугорков. – Ты ошибаешься, это не человек. —

– Да, это, наверное, не человек, – согласилась я, потому что «бугорок» не шевелился.

Но это был человек.

– Ладно, посмотрим, – сказал Юрик.

Его почти занесло снегом. Человек сидел на деревянном ящике, и в руках у него была удочка, а леска уходила в маленькую дырочку под ногами во льду.

«Сумасшедший», – подумалось мне.

– Подлёдный лов рыбы, – сказал Юрик.

Человек не шевелился. Мы стояли уже довольно долго – а он всё не шевелился.

– Пошли, – сказала я.

– Подождём, – сказал Юрик, – а вдруг он заснул и провалится под лёд.

– Да. Тогда мы его вытащим, – согласилась я.

Так мы стояли и ждали, когда, наконец, он провалится. Но человек не шевелился.

– Может быть, он замёрз? – сказал Юрик. – Что делать? —

– Надо снегом тереть, – и я взяла снег и подошла чтобы потереть ему лицо. Но человек чихнул:

– Ш-ш-ш, – сказал человек, – рыбку распугаете. Ш-ш-ш! —

Голос был пьяный.

Часа два мы ждали этой рыбы, человека совсем занесло снегом, так что сугроб вырос на его спине. Мы замёрзли и решили возвращаться.

– До свидания! – сказала я человеку. Тот не ответил.

– Счастливого лова, – пожелал Юрик громче моего.

Человек обернулся и приложил палец к губам. Больше он ничего не сказал.

— — — — —

Мы – художники.

Ночью Юрик опять исчез. «Это дело надо проследить», – подумалось мне, и я уснула опять. На утро я долго будила Юрика. Он мычал, прятался под подушку головой, ругался – словом, ни за что не хотел просыпаться. Мне пришлось взять пёрышко, торчащее из подушки, выдернуть его и пощекотать у него в носу.

– Ещё чего?! – закричал он и чихнул, только тогда соизволил встать.

После отсутствия ночью у Юрика весь глаз был чёрный. Я пощипала палец и потёрла пятно под глазом, оно не отмывалось. Это был синяк. Отмахнувшись от моей руки, Юрик сам удивился, глянувшись в зеркало:

– Ну и ну! – сказал он, рассматривая синяк.

Я оделась и вышла на улицу Юрик вышел за мной. За нами появилась Сашка с лыжами. Увидав синяк, она опять присела от смеха. Юрик взял лыжи в руки, и мы пошли пешком,

а Сашка уехала на горку вперед нас. Сегодня идти было веселее. Я люблю ходить по знакомым местам, а мы шли той же дорогой, и я узнавала дома напротив, деревья и всякие другие предметы. Вот и гора. Мы влезли наверх. Юрик что-то долго высматривал вокруг.

– Ага, вот та. – наконец сказал он, про сосну, торчащую ветку которой он в темноте видимо, не видел, я тогда не поняла. Потому что мне показалось, что в другой стороне к лесу пробежал заяц: «сон про зайцев – вспомнился мне». Я понеслась с горки не куда все катаются и где устроена площадка и трамплин, а в противоположную сторону «за зайцем», и вдруг провалилась в глубокую яму (это был овраг, отделявший гору от леса, полностью занесённый снегом и незаметный). Хотела вылезти после падения и не смогла. Тогда я устроилась поудобнее и стала думать, я медведица в берлоге. Занесёт меня снегом и будет только дымок идти, как в одной книжке. Проснусь – а уже лето...

Проснулась я оттого, что кто-то размазывал мне по лицу снег. Я страшно обиделась и хотела стукнуть обидчика, но вдруг заметила, что у всех вокруг очень испуганные лица. Я тоже очень испугалась:

– Юрик! – закричала я, – Куда делся мой Юрик?! —

Но Юрик был тут рядом, это я его не заметила, и я успокоилась и спросила: «Что случилось?».

Юрик мрачно фыркнул.

– Что ты делаешь в яме? – спросил он.

– Я была медведицей в берлоге, – отвечала я ему.

– Ты же могла замёрзнуть, – сказал он.

– Медведи в берлогах не замерзают, – весело ответила я.

– Но ты не медведь, – не согласился он.

– Я одета не хуже – и куртка и свитер. Вот если бы была без куртки или без одежды – могла бы замёрзнуть, а так – нет. —

– Ну, тебя не переспорить, – сказал Юрик.

И он повёл меня домой и уложил в кровать. Сам тоже уснул на своей. Когда мы проснулись было уже темно.

Мы поняли, что проснулись от голода. Юрик уже не надеялся на свою «самостоятельность» – магазины в посёлке точно были, наверное, закрыты.

– Так и подохнем, сказал Юрик мрачно.

– Так и «подохнем», – подхватила я не очень знакомое слово: дохлый для меня означало «худой», «тощий», но никак не «мёртвый».

– Пойди к Сашке, и попроси чего-нибудь поесть, – сказал он.

– Какой хитрый! Сам и иди, и проси, – не сдавалась я.

Так мы немного спорили, – кто из нас решил «жить самостоятельно» в отдельной комнате. Или я не желала, чтобы мной командовала тётенька, как Мама, или Юрик, чтобы ходить в наливайку, под предлогом ходить в магазин. В итоге пошли вместе. В комнате Сашки было пусто. Мы полезли наверх, в «мастерскую художника». Сашка возилась с картинами.

– Чего вам? – строго спросила она с серьёзным лицом, а то всё смеялась, а тут лицо строгое и серьёзное через-чур.

Мы молчали.

– Ну, чего вам? – спросила она помягче.

– Ребёнок умирает с голоду, – выпалил Юрик.

– Мы долго ничего не ели, пояснила я.

Сашка опять присела на корточки и принялась хохотать.

– Оболтусы, настоящие оболтусы! —

Наконец она спустилась вниз и разожгла печку. Очень быстро начистила картошку и поставила варить. Она поставила на стол: хлеб, огурцы, селёдку, лук... Зелёный лук. Про него она сказала, что выращивает его сама там наверху, в мастерской.

Вскоре всё было готово. Вот это была еда!!! В своей жизни я не ела ничего вкусней. А потом мы пели песни. Какие-то новые хорошие песни:

Листья желтые над городом кружатся...

...ночью Юрик опять исчезал. А я только подумала, что «надо проследить», как быстро сморил меня сон опять.

Прошло уже кажется много дней. Жилось нам очень хорошо. Мы очень подружились с Сашкой. Я уже здорово каталась на лыжах с горы. Иногда мы с Сашкой выходили вдвоём кататься, оставляя Юрика досыпать в постели.

Беспокоило меня только одно: куда же Юрик ходит по ночам, всё-таки? Я решила проследить за ним и легла спать одетая. Среди ночи я проснулась. Юрика в комнате не было. Из соседней комнаты раздавался смех. Осторожно я открыла дверь.

– Не включай свет, – услышала я Сашкин голос, – иди сюда.

Я пошла на голос. Сашка сидела на столе и смотрела в окно.

– Влезай, – она подвинулась.

Я залезла через стул на стол к окну.

– Делай себе окошечко. —

Я подышала на замёрзшее стекло и увидела Юрика во дворе. Он надевал лыжи.

– Так вот куда он ходит по ночам, – поняла я.

– Каждую ночь помираю от смеха, – сказала Сашка, – пойдём одеваться, проследим. —

Мы быстро оделись, вышли на улицу, прикрепили лыжи и пошли за Юриком. Луна светила вовсю, светло было почти как днём, снег отражал свет. Снег был голубоватым, ёлки казались серебристыми. Было таинственно и тихо. Мы шли по свежему следу, на вновь нападавшем легком снежке. Наконец пришли к нашей горе. Юрик был уже на вершине. Вот он оттолкнулся палками и понёсся.

– Здорово насобачился, – сказала Сашка, когда увидела, как Юрик крутится и вправо и влево спускаясь зигзагами.

– Мда, – сказала я, – хитрюга! Мы спим, а он себе на лыжах катается. —

– Лезем на гору, – почти приказала Сашка. – Сейчас мы ему покажем.

Мы влезли, Юрик медленно поднимался в стороне. Иногда он падал – подниматься на лыжах в гору не легко. Мы прыскали со смеху.

– Ну, пора, – сказала я.

Но Сашка почему-то задумалась, помрачнела, с ней что-то случилось.

– Ну, пора же, – тормозила я её. —

– Катись одна. Я-то тут причём!.. – вдруг строгим голосом сказала она, такой голос бывал у Сашки, когда «вдохновение» находило и она после этого запиралась у себя наверху в мастерской. И сейчас она побежала на лыжах в другую сторону.

Я посмотрела ей вслед, потом оттолкнулась палками и понеслась на Юрика. Я сбила его с ног и очень напугала. Так ему и надо, будет знать, как кататься по ночам. Сашку мы нашли под горой, она сидела на кривом дереве, смотрела на небо и болтала ногами.

– Что с ней? – удивился Юрик.

– Отвяжитесь! – и голос был грустный и совсем уже не строгий.

– Белены объелась, сказала я и дёрнула Сашку за ногу. Она взвизгнула и свалилась с дерева.

– Ах, так! – сказала она и припустилась за мной, но я на лыжах и быстро убежала. Тогда она набросилась на Юрика: толкнула его, он на лыжах стоял, поэтому упал, а Сашка стала

закапывать его снегом. Я сняла лыжи и подкралась сзади, и прыгнула на Сашку. Образовалась куча мала... Целую ночь, почти, мы веселились как сумасшедшие. Мы каталась с горы, играли в снежки, отплясывали весёлые танцы. Замечательная была ночь, и зачем люди спят по ночам, да ещё и под таким большим фонарём на небе в виде большой круглой желтой луны!

— — — — —

А этот день (последний) был мокрый. Сашка закрылась наверху – со своим «вдохновением». Юрик болтал ногами на диване у окна. Среди зимы случилась оттепель, морозные узоры на окнах растаяли, снег прилипал к лыжам, кататься тоже было плохо. Я ходила по дому и думала, чем бы заняться. Наконец я придумала: полкухни занимала большая белая печка. Наши комнаты были за ней, так что в комнате вместо одной стены была тоже стена белой печки. Я пошла наверх и попросила у Сашки краску и кисть, потом влезла на стул и нарисовала на печке зайца голубой краской.

– Будет на что смотреть перед сном, – сказала я.

– Что ты говоришь? – отвлёкся Юрик и заметил мой рисунок. Он заинтересовался и тоже сходил наверх, и взял краски и кисть. Он развёл краску и нарисовал на печке слона, тоже голубого, с цветными красными пятнами-яблоками. В это время я нарисовала ещё зайца. Потом Юрик нарисовал птичку. А я ещё зайца, Юрик – таракана. Я – зайца, очередного в ряд поверху печки. Юрик – кошку. Я – зайца. Юрик – жирафа. Я – зайца.

Я уже начала жалеть, что умею рисовать только зайцев, когда пришла Сашка.

– Гении! – сказала она. – Как я раньше не догадалась... – И предложила идти на кухню и разрисовать печку там.

– Начать надо сверху. – Она забралась на табурет и начала, а я только подавала ей краски снизу. Рисовала она очень странно: ей ничего не стоило пририсовать таракану хвост, а рыбе ноги, а лягушке крылья. Потом она нарисовала Юрика с лыжами на ногах, как смешной шарж. Потом нарисовала меня в виде горохового стручка. Мы так и покатывались со смеху.

И тут приехала Мама, совсем не вовремя. Юрик стоял на печной плите, и рисовал на трубе кита, снова в красных яблоках, а мы с Сашкой рисовали друг другу на своих лицах усы. Мама ни капли не удивилась.

– Так, сумасшедший дом, – сказала она.

– Как умеем, – обиделась я.

Юрик застыл на печке и не знал, что делать с кисточкой и с краской, налитой в крышечку от банки.

– Может ты спустишься на землю? – сказала ему Мама.

– А это что ещё такое? – удивлённо спросила Мама у Юрика.

– Где, что? – переспросил он.

– У тебя под глазом. —

– У меня? – не понял Юрик.

– Да, да, у тебя, – строго сказала Мама и стала ждать ответа. И долго ей пришлось бы ждать, если бы не Сашка.

– Понимаешь, Даша, – сказала она деланно-серьёзно, но со смешком в голосе. – Юрик у тебя герой, он защищал нашу честь: он катался на лыжах с большой нашей горы и отклонялся от веток всех деревьев, а от одной ветки не смог уклониться! —

Я так и фыркнула, сдерживая смех. Но это фыркание и кашель за ним произвели совсем другой эффект.

– Ты простужена, – сказала Мама, – тебе надо в кровать. —

И, не слушая никаких возражений, она загнала меня лечь в кровать, а Юрика послала за градусником.

Нас опять спасла Сашка. Она быстро приготовила чай, согрев воду на этот раз в электрическом чайнике.

– Ругаются, ругаются! – сказала Сашка, – Гулять надо, – на улице тепло, солнечно, – а не ругаться.

Температура была нормальной, и после чая мы вышли на улицу. Тут Сашка нашла нам лыжную мазь для оттепели, чтобы лыжи скользили, как в морозную погоду. Все встали на лыжи и пришли к нашей горке. Здесь мы почувствовали себя увереннее. Здесь мы были – «как рыбы в воде».

Мама притихла, она стояла в стороне, а мы демонстрировали ей все наши достижения: мы ездили зигзагами, и с разворотами на полный круг, все вместе, и по отдельности. А Мама смотрела на нас и молчала. Да и сказать ей было нечего: на лыжах мы были «ассаами».

Гордые и счастливые мы шли домой к вечеру. Мы чувствовали себя победителями. Мама нам явно завидовала.

– Раньше я тоже умела, – сказала она Сашке, – а теперь... – И она махнула рукой. Лицо у неё стало немного грустное и махнула она так, что мне стало её жалко: всё учится и учится, сколько себя помнила Мама всё училась.

– Ты приезжай почаще, мы тебя вмиг научим, – сказала я Маме.

– Вмиг научим, – хором подхватили Юрик и Сашка. Мама внимательно посмотрела на нас и ничего не сказала.

— — — — —

Вот и всё.

И вот мы уезжаем. Юрику пора было на работу, отпуск заканчивался. Сашка была грустная.

– Замечательный был отпуск, – всё говорила она, несколько раз повторяя – просто замечательный.

Я считала, что грустить не надо, – ведь мы ещё приедем. Юрик молчал.

– Правда же, мы ещё приедем? – приставала я к нему.

Юрик молчал.

И мне тоже сделалось грустно, – наверное, больше не приедем!

Конец всей повести.

Фабрика познания (Отображение науки в художественной форме).

*«Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место
вере» —
сказал философ Иммануил Кант.*

Кант был, несомненно, великий мудрец и с удивительной тонкостью он составил систему – 1 в которой сохранялись и внешний мир, независимый от человеческого разума (то есть присутствовал материализм), и 2 первенство духа в построении мира, то есть господствовал идеализм.

Он расположил всё известное в науке в его время в таком хитром порядке, что не было ничего лишнего и ничего не забытого. И картина познания представляла в технологическом процессе в виде очень узкого потока, текущего в строгом бетонированном русле – «раз и навсегда, только так, а не иначе».

Как и многие философские системы, кантианство оказалось, в своем роде, дефектной ведомостью знаний человеческих. По дефектам философских систем можно видеть дефекты точного знания, дефекты науки на протяжении истории.

Обладея очень небольшим количеством сведений о природе мира, люди всегда нуждались в их обобщении, в их объединении. Им хотелось обязательно составить общую картину мира и увидеть в ней не только сам мир, но и своё место в нём. Им приходилось фантазировать, латая домыслами чудовищные прорехи в точных знаниях и люди обращались к богам тогда, когда никакие фантазии уже не помогали свести концы с концами. Создателям этих систем казалось, что им удалось нарисовать истинный портрет мира. А последующие поколения, вооружённые большим опытом, разглядывали этот портрет и отмечали все наивности, все неточности и всю неполноту этой картины мира от философии, какой бы «новой» она не была.

Последняя философия рассматривала природу, солнечную систему и космос – в его развитии, в его становлении. Но человеческое сознание, наш разум тоже должен иметь историю...

Разум нельзя принимать как нечто раз и навсегда данное нам. Нельзя считать извечными априорные принципы познания, то есть то, что внедрялось в мозг и формировало мозг на протяжении огромных периодов существования жизни.

Каким способом гравировала природа свои законы на мозговой коре в виде извилин, каков механизм передачи от поколения к поколению этих «априорных» принципов – мы пока не познали.

Но мы знаем, что не чьи-нибудь, а только и именно черты природы отштампованы в нашем сознании. Приземлённо, Бертран Рассел утверждает даже, что кантовское представление об априорном пространстве, абсолютно пустом и бесконечном, могло возникнуть в мозгу человека, который живет на равнинной местности, вроде той, где расположен Кёнигсберг. «Я не вижу, – пишет Рассел, – как обитатель альпийских долин среди гор мог бы принять такое представление о мире».

Вот ведь какой «материалист» этот Рассел! Если следовать тем же путём идей, можно было бы заключить, что именно в альпийских долинах среди кривого горного рельефа должно было возникнуть представление о пространстве, обладающем кривизной.

– Ну конечно! – мог бы сказать на это сэр Бертран. – Так оно и получается. Понятие пространства, обладающего кривизной, было введено в физику именно в альпийских долинах: Эйнштейн жил в Цюрихе и Берне, когда писал свои первые работы по теории относительности! —

Получается забавное развитие идеи о похожести творения на творца: житель равнин – одна физика, житель гор – другая! Но можно предложить ещё одно звено в цепи подобных рассуждений, например, спросить:

– А что же остаётся на долю жителя лесов? —

– Ха-ха! – могли бы нам ответить. – В лесу есть трава, кустарник, подлесок, кроны деревьев – миллиарды листьев заполняют всё, что видит глаз. Не так ли заполняют всё пространство и всё время «мировые точки» в четырехмерном пространственно-временном континууме, который был предложен Г. Миньковским и явился геометрической интерпретацией нового представления о мировом пространстве и времени.

И тут имеет место одно психологическое явление: выводы остаются, опыт забывается.

– Позвольте, – могут сказать нам, – при чём тут психология? Ведь речь идёт о теории познания? Надо ли впутывать сюда психологические факты? —

А философы сами впутывают? Что они считают окончательной и бесспорной истиной? – Не опыт, не практику, нет. Какое-либо суждение они считают имеющим характер полной бесспорности в том случае, если в нашем внутреннем видении мы убеждаемся, что всякое иное суждение вызывает в нас протест, то есть что никакой иной вывод для нас внутренне неприемлем.

Разве это не психология?

Не странно ли: вся история науки рассказывает нам о том, как познание стремилось освободиться от ошибок психики. Были времена, когда все люди «ощущали», что Бог существует? Значит ли это – что Бог действительно есть?

По-видимому, строить науку на основе субъективных, пусть и всечеловеческих, переживаний весьма рискованно!

Когда Коперник предложил считать свод небесный неподвижным и вращение звёзд объяснять движением Земли, это нарушало очевидность, однако тут можно привести аналогии из повседневного опыта, которые могли бы помочь нам примириться с новой теорией: например, всякий, плавающий по морю, знал, что в минуты отплытия по тихой воде кажется, что не корабль, а гавань движется, удаляясь. Представить же, что скорость света не зависит от скорости движения системы или что пространство само по себе может иметь кривизну, раньше было невозможно. А теперь и это превращается в аксиому.

Неизвестно, как гравировала природа свои отражения в нашем мозгу. Но нельзя ли, например, предположить, что «априорнейшая» аксиома геометрии, которая гласит, что прямая – это кратчайшее расстояние между двумя точками, есть тоже результат «местности» или, точнее, тех условий, в которых жили носители первоначального разума?

Разве преследование добычи не происходит по прямой? Разве прыжок на жертву не есть прямая? Разве убежать по ровной местности не выгоднее всего по прямой? Как падает на землю яблоко? Как летит стрела? Пожалуй, в жизни наших предков геометрическая аксиома о прямой была важнейшим достижением практического опыта и стала для них аксиомой раньше любой из тех, что записал Эвклид – изобретатель геометрии.

Ведь до сих пор есть на свете организмы, вроде каких-нибудь плеченогих или губок, которые лишены даже органа зрения. Для их «разума» мир действительно почти вовсе непознаваем, действительно «вещь в себе».

Какой вид имела бы Фабрика познания первобытных людей в доисторические времена?

Поскольку научного материала о сознании человека, например, в ранний древнекаменный период у нас чрезвычайно мало, то даже полные дилетанты могут тут резвиться своей фантазией достаточно широко, соблюдая только некоторую осторожность, чтобы не слишком отклониться от общепринятой в науке установки.

Вероятно, эту Фабрику познания надо вообразить расположенную в неких полутёмных пещерах. Заготовительные цеха, где идет переработка первичных впечатлений, иметь будут

странный вид: там находятся желудки. Ибо время и пространство зависят прежде всего именно от желудков. Поел, заснул, и день промчался, как мгновение. Голоден, сиди в засаде, жди добычи – время тащится еле-еле. Поел, силен, и путь кажется коротким; голоден, ослаб, и каждый шаг стоит десяти, расстояния увеличиваются. Умения мерить и считать поначалу ещё нет, и сознание находится в полной власти субъективных ощущений. Детали, которые поступают для сборки в агрегаты рассудка, выглядят странно для нашего глаза: в них преобладают запахи и движения, формы их зачастую неопределены, и в них выделены только части, которые таят опасность или могут способствовать насыщению. Но уж совсем невероятный вид имеет то, что находится на месте, где через тысячи лет будет блистать сварочный стан причинности (ради чего). Там стоит какая-то деревянная дылда-мылда, утыканная перьями, увешенная человеческими черепами. Такие можно увидеть в Британском музее, они привезены с диких островов, – пугательные изображения грозных неизвестных сил.

Потом, вдруг, появляются перед нею уже известные нам солнце и камень.

У солнца – огромное количество рук (богиня индийская, например, тысячерукая) и круглое человеческое лицо. А камень красный, но не от лишайника, а от крови. Они исчезают в агрегате Фабрики познания и тотчас появляются, уже подвергнутые операции сборки. «Боже правый», что получилось!

Камень становится зубом Дракона, источающего пламень – видимость извержения вулкана передавалось из поколения в поколение. Немудрено, что камень нагрет! Солнце в панике убегает по небесному своду, спасаясь от кровавой драконьей пасти, ибо с достоверностью известно, что чудовище имеет склонность поедать дневное божество.

Вот вам и связь между явлениями, вот вам и «причинность»! Она совпадает с волей божеств.

Тут начинается грохот барабанов, стучат, кричат, прогоняют Дракона, спасают Солнце... спасли. Затмение кончилось.

Вот что значит «знать законы природы и проверять их на практике»...

И хотя подобное «познание» в действительности является полнейшим вздором на сегодняшний взгляд, но было время, когда астрология жила в содружестве с астрономией.

Конец.

Художественная литература описывает нашу действительность.

Зыбкий туман времени

В этих отдалённых воспоминаниях я не могу отличить яви от сновидений. Многое, быть может, снилось, и я запомнил это как давно пережитую явь. Многое, бывшее наяву. Стало как давно виденный и забытый сон. Не знаю, была ли наяву или снилась мне такая страшная картина: пожар. Вижу языки пламени, перемешанного с чёрным дымом, столбы брызжущих в нависшее тёмное небо искр, освещённые пожаром, низко согнувшиеся над землёй деревья, без листьев. И какой-то мужик в простой серой рубаше, завязывает большой высокий воз, накрытый тентом зелёной ткани. Мужик сопит, упирается, стоя на верху на возу, изо всех сил он тянет верёвку, затягивающую воз. Я вижу, как рвётся верёвка, как падает мужик с воза будто бы прямо в пламень пылающего сарая – вижу его страшное лицо с чёрной бородой и усами, освещённое на миг пожаром, и от охватившего меня ужаса я кричу и кричу, и кричу...

Но мужик выходит из-за воза – он упал на землю рядом, и подбегает и успокаивает меня непонятными звуками, слов я не понимаю. – Я не знаю, сон ли, это страшное видение – мужик, затягивающий верёвку, – или действительное происшествие при нашем переезде из малой деревни в другую, большую, с сельсоветом и правлением колхоза, в которой я потом жил и провёл своё раннее детство.

Знаю другое. Я смотрю на фотографию, где мы с бородатым и усадым дедушкой, очень похожим на того мужика из сна. Только с лицом добродушным и совсем не страшным, только глаза его печальны сквозь улыбку лица. Знаю также, что какая-то черта отделяет меня – нынешнего – от мальчика с перекрещенными ногами рядом с дедом стоящего. Я не нахожу такой черты. Но знаю, что будет жить во мне, в каждом моём слове, до последних моих дней – мальчик с весёлыми глазами...

— — — — —

Лесные цветы

Я очень люблю простые лесные цветы. Даже маленькие, из которых и букетики выходят маленькие. Ещё ранней весной, как только растает снег, мы ходили недалеко в лес, чтобы полюбоваться ранними цветами ожившего леса. Под пение прилётных птиц, собирали мы голубые и белые подснежники, вязали из них маленькие букетики.

А потом всё лето на моём столе красуются лесные цветы – разные, по мере их появления. Вот волчье лыко, например, – приходилось ли вам видеть это красивое деревце, сказочное – без листьев, но всё сплошь покрытое цветами? Идешь по лесу ранней весной и вдруг остановишься. У самой канавы-овражка, наполненной вешней водой, пышно цветёт крошечное деревце. Ещё не распустился лес, не все птицы прилетели с югов, серой опавшей листвой покрыта едва пробудившаяся от зимней спячки земля. Лишь кое-где, по опушкам и полянкам, зацветают первые лесные цветочки – подснежники-перелески. А это чудесное деревце всё в цвету! – и можно долго любоваться на сказочное деревце, покрытое розово-лиловыми, как бы вылепленными из воска крохотными цветами.

Увидеть это цветущее деревце можно только в глухом лесу, где-нибудь возле лесного болотца. Сорвёшь несколько веток, осторожно положишь в сумку, чтобы принести домой. Волчье лыко – дерево с ядовитой корой и с ядовитыми же ягодами, но и его кору и его ягоды применяли знающие травники для приготовления лекарств.

— — — — —

После подснежников ранней весной зацветает в лесу кислица.

Под высокими тёмными елями. А также в осиновых сырых зарослях около корней на моховых кочках можно видеть её белые нежные цветы. Болотным мохом и глухим лесом пахнет скромная кислица. Но так красивы, хороши и нежны её белые цветочки! Нарвешь малень-

кий букетик этих цветов, поставишь в стаканчик на письменный стол, и отчётливо вспоминается весенний оживающий лес, высокие тёмные ели, под которыми растёт и цветёт кислица.

В детстве мы лакомились зелёными листочками кислицы, похожими на молодые листья клевера. Вкусом они напоминают кислый щавель, а листочки кислицы мы называли – заячьей капустой!

— — — — —

У самой тропинки лесной вдоль оврага золотыми пуговками нарядно цветёт большой ивовый куст. Подойдёшь поближе, неожиданно покажется, что сами собой шевелятся золотые пуховички, гудит тихим гудом расцветающий ивовый куст. Присмотришься хорошенько: а это гудят и вьются над цветущим кустом вылетевшие рано из ульев пчёлы. На ивовых цветах-пуховиках они собирают свежую золотистую пыльцу.

Словно оживший громким гудом гудит ивовый куст солнечным полднем. А под кустом весело бежит-журчит весенний прозрачный ручеёк, на откосе в овражек, там и там пробиваясь сквозь прошлогоднюю мокрую листву тянутся к свету первые молодые травинки.

— — — — —

Тут же у лесного оврага, в тени под деревьями, цветут ландыши и земляника. Пахнет листвою и цветами. Я долго люблюсь ландышами, слушаю как поют птицы, щелкает недалеко в зелёных кустах соловей, кукует и перехохатывается кукушка. В вершинах деревьев и воркуют горлицы. Весна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.